

МИХАИЛ
ПРИШВИН

Зеленый шум

Annotation

В сборник «Зеленый шум» известного русского советского писателя М.М. Пришвина (1873–1954) вошли его наиболее значительные произведения, рассказывающие о встречах с интересными людьми, о красоте русской природы и животном мире нашей страны.

- [Михаил Михайлович Пришвин](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Михаил Михайлович Пришвин

Дружба

– Есть степная поговорка в Казахстане о дружбе: «Если товарищ твой кривой, старайся быть ему под пару». Как вам это нравится? – спросил я своих двух товарищей по охоте.

Замойский кивнул мне сочувственно головой, но Бородин, самый молодой из нас, как это иногда бывает, оказался больше скептиком, чем мы, сильнее потрепанные жизнью.

– Как это ни хорошо звучит, – ответил он, – но пеший конному не товарищ.

И рассказал нам один случай охоты на лыжах.

– Было это, – сказал он, – в Загорске, тоже вот в такую же снежную зиму и под самый конец зимнего охотничьего сезона. В то время, впрочем, не очень давно, в Загорске еще только начиналось строительство заводов, и на том конце города, где строился завод, одновременно складывалась и новая жизнь, а на этом конце в лесу, где жила моя матушка, днем всюду козы паслись и ночью стучала колотушка. Я приехал тогда в отпуск к своей матушке и захватил еще несколько последних охотничьих дней. Приехал я поздно вечером, искать кого-нибудь из знакомых для охоты было уже некогда, в одиночку охотиться как-то не очень люблю. Но делать было нечего, пропускать драгоценный денек не хотел и вышел на дворик свой покормить Трубача.

Редкая погода была для февраля легкий морозец, полная тишина, чистое небо с мерцанием всех звезд, и в полной тишине совсем недалеко от нашего домика ночной сторож шел с колотушкой и так мерно постукивал, что, казалось, в этом же ритме и звезды на небе дышали. Вдали на том же конце города свистели паровозы, гудели электровозы, какой-то шелудивый моторчик шепелявил на третьем такте, и тут вот эти звезды и доисторическая колотушка.

– А что это такое? – спросил я себя.

И с удивлением вспомнил, что в жизни своей я никогда не видал колотушку.

«Скоро колотушки вовсе исчезнут, – подумал я, – и потом я уже их никогда больше не увижу: история никогда уже больше не вернется к колотушкам. Надо посмотреть».

Я вышел за калитку, а сторож как раз тут и проходил возле самого дома. Я подошел к нему, взял у него из рук колотушку, постучал, посмеялся. Сторож тоже смеялся, а когда я заговорил, он тоже одновременно со мной заговорил, и тут оказалось, что я имею дело с глухим человеком.

«И немудрено оглохнуть, – подумалось мне, – если всю ночь напролет каждые сутки проводить с такой колотушкой».

Руками, глазами, ногами даже я старался показать сторожу мой особенный интерес к колотушке, с тем чтобы понять, почему сторож, которому надо бы ловить воров и затаиваться для этого, сам открывает вора место своего пребывания.

И вот вы говорите, что если товарищ кривой, то должно себе глаз поджимать: я ли не старался с этим глухим говорить, как глухой, а он понял, что я не о колотушке выпрашиваю, а приглашаю его завтра идти с собой на охоту. Узнав, однако, что он охотник, я с большой радостью позвал его наутро с собой на охоту, и только просил его сказать мне, каким образом он, глухой, будет мне давать знак о себе: без этого нам двум из-под одной гончей будет трудно охотиться. Он понял меня и спросил:

– А колотушка на что?

Это мне было понятно: колотушка на охоте, как охотничий рог, но для чего колотушка нужна сторожу – это так и осталось мне тайной.

Сторож поклонился мне дружески, пошел вперед и застучал.

Рано утром при первом свете он явился ко мне с ружьем. Километра два мы прошли и Трубач поднял беляка и погнал. Мы, как полагается нескольким охотникам с одной гончей, разбежались в стороны, каждый со своим собственным планом в голове.

Против всякого ожидания гон оказался и при глубоком снеге неплохим. Не так давно была осадка снега, и после того на этот наст снегу навалило не больше как на собачью ногу.

К великому нашему счастью, оказалось, что Трубач сквозь тот засыпанный наст не проваливается и летит, как по первой пороше. К сожалению, белячишко попался умнейший, один из тех, кого охотники зовут «профессорами» или «химиками». Воскресные охотники до того настегают таких зайцев, что с подъема они по прямой линии мчат версты две и потом, когда вернутся, начинают так кружить, что никогда на свой след не приходят, подстоять их почти невозможно, и убивают их только случайно.

Наш заяц с подъема бросился вперед по прямой, а потом нашел себе болото с таким частым ельником, что Трубач мог только еле-еле

продираться, но никак не бежать. Кроме того, в этом болоте, как это бывает, вода обмерзла и после куда-то сбежала, получился лед-тощак, белый с узорами, проваливается под ногой, как стекло, с треском. Не было никакой возможности войти в это болото и ловить на кругах зайца-профессора. Приходилось только идти кругом в надежде, что когда-нибудь Трубач вытурит из болота мучителя. Самое лучшее было бы отозвать собаку и найти другой след. Но Трубач, как все замечательные гонцы-мастера, был непозывист и, пока зайца не убьешь, до тех пор с собакой не встретишься и не подзовешь к себе даже стрельбой.

Случилось, наконец, заяц вздумал бежать краешком болота, и я увидел его и взял на мушку, и вот только бы спустить курок, откуда ни возьмись Трубач, и чуть его не схватил. Заяц с испугу шарахнулся вон из болота, и Трубач с безумным ревом пустился по зрячему.

Теперь начался гон возле глубокого оврага, и так, что заяц ходит по одной стороне, а перелезешь овраг туда, он станет ходить по этой. Особенно плохо было тем, что к вечеру быстро стало морозить, и когда, перелезая овраг, разогреешься, вспотеешь, то потом мороз быстро схватывает и зубы начинают дробь выбивать. Будь бы товарищ мой не глухой, я потрубил бы ему, мы бы сговорились и ждали зайца на той и другой стороне. А вы говорите, что зрячий человек из-за дружбы должен поджимать себе глаз. Я считаю, что это в корне неверно: не поджимать себе глаз или затыкать себе уши хотел я на этой охоте с глухим товарищем, а просто, как лютый зверь, разорвал бы его в то время в клочки. Между тем охота – это такое занятие, что чем больше крепнет мороз, тем сильнее растет в тебе упорство.

В последний раз я решил перелезть овраг и, приступив к этому труднейшему делу, заметил свежий заячий след. Это не был след нашего гонного зайца, это был новый след, и мало того: лапка этого зайца в одном месте пришлась на мою лыжницу. Это значило, что день уже кончался, и спавшие днем зайцы начали вставать. Этот свежий заячий след как будто выговаривал:

– Спи, спи, человек, ходи, ходи, заяц.

Мне всегда становится жутко, когда зимой в лесу вечереет и зайцы встают. В это время природа как будто говорит:

– Уходи, уходи, человек, гуляй, гуляй, заяц.

Торопясь перебраться через овраг, я нажал на правую лыжу, и вдруг моя лыжа треснула пополам, и правая нога глубоко вместе с поломанной лыжей уткнулась в снег. Я освободил ногу сначала из поломанной лыжи, потом из целой, в надежде, что, может быть, подснежный наст, державший

так хорошо Трубача, при моей осторожности выдержит и меня. Но расчет мой бы неверен: подснежный наст легко хрустнул, и я по грудь очутился в снегу. На этом снегу потерять лыжу значило то же самое, что в открытой воде остаться с худым челноком: там зальет вода, здесь заостенит мороз. По такому снегу без лыж полверсты не пройдешь, и выбьешься из сил, и замерзнешь.

В лесу вечерет, а морозное небо разгорается, по минутам нарастает мороз, и деревья начинают трещать и шептать:

– Спи, спи, человек, ходи, ходи, заяц.

Теперь оставалась только одна надежда, что глухой застучит в колотушку и, не дождавшись меня, станет искать: не бросит же он в лесу товарища.

Я осмотрел поломанную лыжу. Причиной поломки оказался один только гвоздик, несколько лет тому назад второпях забитый мною, чтобы прикрепить ремешок. Этот гвоздик от сырости давал постоянно ржавчину, и мало-помалу эта желтая разъедающая дерево жидкость распространялась и ослабляла сопротивление дерева. Пришло время, и на этом месте доска просто треснула насквозь и теперь держалась на тонкой древесной планке. Я попробовал выправить лыжу и стать на свежем снегу, она опять согнулась. Но когда я поставил лыжу в старый след, лыжа держалась. В этом мало было утешения.

Стало быстро смеркаться, и вдруг недалеко от меня, в каких-нибудь ста шагах, раздался резкий стук колотушки. Обрадованный, я закричал во все горло, забывая, что имею дело с глухим человеком. Мой крик оказал обратное действие на поведение товарища: колотушка стала быстро удаляться. В отчаянии я принялся стрелять, и с каждым выстрелом колотушка слышалась все дальше и дальше: это был совершенно глухой человек. Тогда я сообразил, что ведь это охотится со мной ночной сторож, что при наступлении сумерек ему надо спешить на место своей работы, что на сломанной лыже мне догнать его невозможно.

А деревья всерьез начали стрелять, как бывает это только в самый сильный мороз. Мне оставался один только выход – идти своим следом обратно, лазить из оврага в овраг, потом прийти к болоту, ходить вокруг болота и вообще сделать столько же движений, сколько я сделал за весь день. Возможно ли это?

Будь у меня спички, я бы не горевал, я развел бы костер и переночевал бы у костра, но только недавно я бросил курить и спички с собой не захватил.

Мало-помалу наступила такая тьма, что исчезли из глаз в лесу даже

следочки зверей. Тьма шептала невидимым зверькам:

– Ходи, ходи, заяц!

Мороз, сам хозяин Мороз начинал мне шептать:

– Спи, спи, человек.

Лыжа по старому следу сама вела меня, я двигался вперед и вдруг уперся возле оврага. Рискнуть скатиться в овраг в темноте было невозможно, лыжа могла зацепиться за куст и совершенно сломаться, если же лезть на ту сторону и потом лезть опять обратно, и опять, и опять.

Я погибал в пяти километрах от города, мне были слышны свистки паровоза, гудки электровоза, и так хорошо знакомый четырехтактный моторчик с пришепетыванием на третьем такте отчетливо вел свою обычную беседу с тишиной, как будто я не погибал, а вышел на свой дворик покормить Трубача.

– Спи, спи, человек!

И вдруг страх гибели проник в мою душу, в мое тело до косточки, и сразу же явился план спасения. Я должен идти без лыж, лезть по снегу, как медведь, до того места, откуда мне слышалась колотушка. Осилю – так, не осилю – погибну. Значит, надо осилить: весь я должен собраться теперь в одно это надо.

Мне удалось сделать все, как я замыслил. Лыжи глухого были значительно шире моих, и мои по этому широкому прямому следу пошли, как неполоманные, так вот и пошли, и пошли.

И что-то очень скоро вырос передо мной телеграфный столб, и на дорогу я вышел с такою же радостью, как моряк, потерпевший кораблекрушение, приплывает к берегу.

Этой морозной ночью все звезды собрались над Загорском, и шепелявил моторчик, и колотушка стучала как ни в чем не бывало.

Так Бородин закончил свой рассказ и после того обратился ко мне с нравоучением:

– Нет, не согласен я с вами: если и товарищ кривой, не советую поджимать себе глаз, а с глухим затыкать себе ухо.

– Позволь, мой друг, – сказал полковник Замойский, – ты что же это на глухого обиделся и на кривого, когда сам кругом виноват?

– Я ни в чем не виноват. Что я мог сделать в лесу, когда лыжа сломалась и глухой товарищ бросает тебя?

– А при чем тут глухой? – спросил Замойский. – Ты же сам рассказал, что несколько лет тому назад вбил в лыжу гвоздик и он несколько лет распускал в дереве ржавчину, а ты не обращал на это никакого внимания. Тут все дело не в глухом товарище, а в собственном гвоздике: у тебя не

хватило в голове какого-то гвоздика.

И когда мы весело посмеялись над молоденьким лейтенантом, Замойский сказал:

– Нет, я все-таки согласен с казаками: если твой товарищ кривой, старайся поджимать глаз, чтобы стать ему под пару. Кто же понимает вообще пословицы, поговорки, загадки в буквальном смысле слова! Пословица казахов говорит только о дружбе: что дружба через друга дает глухому уши, слепому – глаза. Вот в чем дело!

Я знаю один удивительный случай, когда дружба помогла слепому достигать больше, чем если бы он был зрячим, и глухому действовать, как если бы он обладал тончайшим слухом.

И рассказал нам об одном глухом поваре в Вологде и слепом музыканте. Оба любили до смерти глухариную охоту, требующую особенно тонкого слуха и зрения. Слепой музыкант, как это постоянно бывает со слепыми, обладал чрезвычайно тонким слухом, а глухой повар замечательным зрением. Никто не мог из охотников услышать на току глухаря так далеко, как слепой музыкант, и никто не мог его так скоро оглядеть в полумраке, как глухой повар. И так оба неразлучные друга, глухой и слепой, приносили каждую весну глухарей много больше, чем все обыкновенные охотники.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)